

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ¹

*С.П. Поцелуев,
М.С. Константинов
Южный федеральный университет*

Аннотация: *В статье рассматривается концептуальная структура современных праворадикальных идеологий. Исходной методологической проблемой авторы полагают эклектизм правого радикализма, затрудняющий экспликацию концептуального ядра этой идеологии. Данная проблема решается посредством применения метода «идеологической морфологии» М. Фридена. Авторы анализируют различные подходы к пониманию фашизма, исследуют его связи с консерватизмом и на основе этого анализа выявляют базовые концепты и идеологемы правого радикализма. Полученная концептуальная модель адаптируется применительно к российской версии «почвеннического» фашизма. Как полагают авторы, данная модель может быть использована в социологических исследованиях праворадикальных идеологов.*

Ключевые слова: *политическая идеология, консерватизм, правый радикализм, фашизм, группускулярная правая, концепт, идеологема.*

Вопрос о том, какую идеологию или идеологему следует считать праворадикальной, относится к одним из труднейших вопросов современной политической теории. Не менее сложен и деликатен этот вопрос в практическом русле, когда речь заходит о правовой ответственности лиц, допускающих экстремистские заявления с признаками правого радикализма.

Но прежде чем задаваться вопросом об этих признаках, надо отдавать себе отчет о методе их идентификации.

Идеологию можно характеризовать, к примеру, по её функциям. К этому особенно склонна марксистская традиция. Основную функцию праворадикальной идеологии она усматривает в том, что та удовлетворяет потребность господствующего класса в новой политической силе, способной компенсировать слабости традиционного (либерально-демократического) политического механизма и погасить революционные выступления трудящихся [Галкин, Рахшмир 1987: 8]. Допустим, это так, но ту же самую функцию можно с полным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

правом приписать и какой-то новейшей разновидности консерватизма. В чём же тогда состоит её отличие от собственно праворадикальной идеологии?

Ещё менее надёжным оказывается и метод определения правого радикализма через приписывание ему названий других идеологий. В этом смысле праворадикальную идеологию характеризуют как совокупность идей авторитаризма, этнонационализма, фашизма, расизма, ксенофобии и религиозного фундаментализма [Hilliard, Keith 1999]. Но в эпоху идеологических гибридов практически любой консервативный дискурс содержит в себе идеи такого рода, и вопрос состоит как раз в том, чтобы идентифицировать особую конфигурацию таких идей, составляющую идеологическое своеобразие правых радикалов.

Известным шагом в этом направлении можно считать попытку определить суть идеологии через фиксированный набор ключевых идей (понятий). Классик британского консерватизма Э. Бёрк был одним из первых представителей такого подхода. Он приводил следующий список идей консерватора: конкретные права вместо абстрактных естественных прав; органическая концепция общества как вечного партнерства между прошлым, настоящим и будущим; история как аккумулированная мудрость всех поколений; естественное неравенство людей, а потому также неравенство их статусов и владений; уважение к власти и её институтам, закону и религии; принятие постепенных изменений внутри структур, отвечающих перечисленным ценностям [Freedon 2006: 332].

Подход Бёрка выражает много верного из консервативной идеологии, но британский политолог М. Фриден прав, замечая, что в случае сведения сути консервативной идеологии к фиксированному набору концептов невозможно объяснить внутреннюю динамику идеологии, наличие внутри самого консерватизма многих разновидностей и вариаций, ведущих между собой «идеологический диалог» [Ibid.: 332]. С другой стороны, при таком подходе трудно определить сущностное отличие консервативной позиции от праворадикальной, ибо приведённый набор концептов выражает существенные моменты обеих идеологий.

Но чтобы идентифицировать их настоящую оригинальность, следует обратить внимание на внутреннюю структуру данных идеологий, их морфологию. С морфологической точки зрения ответ на вопрос «Что такое идеология?» заключается в идентификации и анализе концептов как строительных блоков идеологии. По словам М. Фридена, идеологии суть «уникальные жанры использования и комбинации политических концептов» [Ibid.: 48].

Концепты мы отличаем от понятий. Концепты схожи со словами естественного языка в том, что они — в отличие от научных или философских *понятий* — суть не продукт искусственно организованной логической системы (каким-то теоретиком-философом), а результат спонтанного мыслительного творчества на основе «грамматики» данной теории. По мысли М. Фридена, слова выступают внешними формами концептов. Концепты могут составлять теории, а «теория есть для концептов то, что язык есть для слов: организатор, регулятор, набор правил и единообразий, грамматика, система» [Ibid.].

Теория тоже может иметь «грамматику», если понимать её не только как систему понятий, но и как констелляцию концептов. В известном смысле, это предполагает возвращение к тому, что греки обозначали словом *θεωρία*². Выраженная в этом термине генетическая связь теории с языком не означает, что стирается различие между концептом и словом; концепт —

²В семантике греч. *θεωρία* близкие современному смыслу «теории» значения (научное или теоретическое познание; наука, учение, теория) являются самыми поздними, младшими. А старшие значения обнаруживают связь *θεωρία* с практической сферой художества, религии и даже политики. См.: греч. *θεωρία*: 1) смотрение на зрелище, зрелище, празднество; 2) посольство или депутация, посылаемая греческими полисами на Олимпийские игры; священное посольство афинян в Делос; 3) наблюдение, рассмотрение, исследование. Современный термин «теорема» (греч. *θεώρημα*) в древнегреческом раньше всего обозначал зрелище и увеселение, а уже потом — доказанное положение, правило, учение. Термином «теоры» (греч. *θεωροί*) у древних греков называли не только участников зрелищ, но также послов от государства, посылаемых на Олимпийские игры, на празднества, к оракулу в Дельфы, или для принесения даров какому-либо богу; более того, в некоторых государствах (Мантинее, Тегее) «теором» называли главного магистрата [Вейсман 1991: 606].

это, прежде всего, мыслительная, ментальная структура, мыслительный блок, и ему нужно слово, обозначающее его в языке. В этом смысле слово «свобода» — это не концепт, а *индекс* политического концепта свободы как строительного блока определенной идеологии.

Различие между внешним (функциональным) и внутренним (структурным) методом идентификации свойств какой-либо идеологии сродни различию между внешней и внутренней лингвистикой, введённому еще Ф. де Соссюром. В известном смысле и о концептуальной «грамматике» идеологии можно сказать, что она подобна симфонии, реальность которой напрямую не зависит от её исполнения [Соссюр 1998: 25]. По Соссюру, внутренняя структура языка как системы, подчиняющейся своему собственному порядку, является более важной для понимания свойств языка, чем социальные факторы, внешние этому порядку. Аналогичным образом, именно концепты, а не политические функции, должны составлять точку отсчета в идентификации существенных признаков идеологии.

С опорой на М. Фридена, любую идеологию можно охарактеризовать как структуру, состоящую из *ядерных, смежных и периферийных* концептов [Freeden 2006: 77]. Британский политолог в качестве примера приводит либерализм, выделяя в нем *свободу* как ядерный концепт, а также смежные (*права человека, демократию, гражданское равенство, правовое государство*) и периферийные (*национальную идентичность, экологическую безопасность* и др.) концепты. Именно такую (тройственную) структуру намерены мы представить и в случае праворадикальной идеологии. Но здесь сразу же надо указать на принципиальную текущую концептуальную структуру любой идеологии, включая границы между её концептуальным ядром, а также смежными и периферийными концептами.

В целом, верно, что в каждой идеологии есть концепт (или концепты), которые она не может ставить под сомнение, не подвергая риску свою идентичность. Если либерализм откажется от концепта свободы, что тогда останется от либерализма? Если правому радикалу вдруг станет безразлична идея революционного возрождения его «великой нации», чем тогда он будет отличаться от обычного консерватора или даже либерала? С другой стороны, практически все идеологии используют концепты свободы и нации. Поэтому Фриден прав, замечая, что неустранимость какого-либо концепта из идеологии не представляет собой особого интереса, поскольку все политические концепты могут быть обнаружены в окрестностях любой идеологии, и в этом смысле все они неустранимы. Присутствие какого-то концепта в идеологии вообще не может быть признаком, входящим в её определение. Идеологии различаются между собой не столько разными концептами, сколько *разным упорядочением* сходных концептов. Главное — это отношения концептов друг к другу и к центру идеологии, то, каким образом концепты сцеплены и взаимно обуславливают друг друга [Ibid.: 87]. Причем чем сложнее идеология, тем вероятнее случай, когда какой-то концепт меняет своё положение в ядре, движется, скажем, от ядра в сторону периферии [Ibid.: 83].

Отсюда вытекает неизбежность разногласий относительно того, какие концепты считать ядерными, а какие — смежными или периферийными внутри данной идеологии. Эти разногласия связаны с тем, что в разное историческое время и в разных политических культурах концепты одной и той же идеологии могут мигрировать по её структуре. Только немногие остаются стабильными, и это — прежде всего ядерные концепты, вроде концепта свободы в либерализме, *социальной справедливости* в социализме, *нации (расы)* в правом радикализме [Ibid.: 84].

Однако нет оснований понимать ядро идеологии как структурно зафиксированный и в основе своей неизменный ряд концептов. Напротив, это ядро оказывается довольно динамичной структурой (причем как в синхронном, так и в диахронном аспекте), и это означает гибкость границ как внутри самой идеологии (между её ядерными, смежными и периферийными концептами), так и между разными идеологиями. В этой динамике оказывается существенной роль не только ядра идеологии, но также её концептуальной периферии. В этом как раз

выражается преимущество развиваемого М. Фриденом подхода: динамизм идеологической структуры делает относительным в ней само отношение центр — периферия.

С учётом сказанного, идеологии не могут быть типологизированы посредством какого-то одного главного организующего концепта. На самом деле они могут быть описаны как имеющие несколько ядерных концептов. Это предполагает наличие множества идеологических *гибридов*: консервативного либерализма, либерального социализма и проч. Более того, с течением времени — как и в случае *биологической эволюции* — ядро идеологий может терять или приобретать какие-то концепты [Ibid.: 89]. В этом случае можно говорить об идеологических *мутациях*.

Это надо иметь в виду и при определении ядра праворадикальной идеологии. Повторим: она не состоит из какого-то одного или двух главных концептов. Напротив, имеет место исторически меняющееся созвездие концептов, которое выражает главную идею идеологии. В правом радикализме эта главная идея состоит — если использовать предложенную Р. Грифффином терминологию — в палингенетическом мифе, т. е. мифе о повторном рождении национальной (расовой) общности. По словам отечественного историка и политолога А.А. Галкина, в основе этого мифа лежит «возрождение и оздоровление в своей стране „титულიной“ нации, рассматриваемой как этническо-биологическое единство, укоренение в ней изначальных, исконных ценностей, придание ей единственно эффективной формы общественной организации» [Галкин 1995: 12].

А.А. Галкин обозначает главную идею праворадикальной идеологии «правоконсервативным революционаризмом», что по смыслу совпадает с аналогичными терминами, предложенными Р. Грифффином³: «бескомпромиссный, аутентичный революционный национализм», «революционная миссия правого экстремизма». Термин Галкина представляется особенно удачным, поскольку он чётко выражает главную новацию праворадикальной идеологии: парадоксальное для предшествующей консервативной традиции сочетание консерватизма и революционности. В этой связи есть смысл акцентировать качественную концептуальную разницу между консерватизмом и революционным консерватизмом, но одновременно их генетическое родство: исторически именно консерватизм мутирует в фашизм, а не социализм или либерализм.

Ниже мы подробнее остановимся на вопросе о том, *что сближает и что отличает консервативную традицию от правого радикализма*. Тем самым мы приблизимся к основному вопросу нашей статьи, вопросу о главных признаках современной праворадикальной идеологии.

Консерваторы и правые радикалы

Оригинальность идеологической структуры консерватизма состоит в том, что его основная идея не привязана столь систематически к определенному набору концептов, как это имеет место в идеологии его главных конкурентов — либералов и социалистов.

Считается часто (как самими консерваторами, так и их противниками), что консерватизм прежде всего озабочен сохранением статус-кво. Это представляется его главной чертой, заменяющей ему отсутствие концептуального ядра и смежных с ним концептов социальной справедливости, свободы, демократии и т. д. Типичным выражением такого понимания консерватизма Фриден считает статью С. Хантингтона «Conservatism as an Ideology». Для Хан-

³На схожесть концепций Р. Грифффина и А.А. Галкина обращает внимание, в частности, Андреас Умланд. А.А. Галкин, по его мнению, «совершил для России то, что сделал Грифффин в рамках своих исследований фашизма для Запада несколькими годами раньше. Не будучи на тот момент знакомым с грифффинской формулировкой о „палингенетическом ультранационализме“, Галкин объединил свои предыдущие оценки фашизма в сжатой дефиниции „правоконсервативный революционаризм“... Подход Галкина схож с проектом Грифффина как по своей интенции, так и по существу» [Умланд 2003: 4].

тингтона консерватизм — это позиционная идеология, которой не хватает собственной интеллектуальной традиции и самостоятельных идей. Он есть ответ на атаку против установившихся институтов. По Хантингтону, консерватизм есть система идей, используемых для оправдания любого установленного социального порядка, независимо от того, где и когда он существует, против фундаментального изменения его природы, причем независимо, из каких соображений изменения. Консерватизм не наследуется во времени, он представляет собой серию внезапных рождений и смертей, провоцируемых извне [Freeden 2006: 329].

Консерваторы, таким образом, сводятся к роли оппонентов всего нового, они движутся к позициям, которые покинули группы, испытывающие процесс изменений. В этом смысле Хантингтон говорил о консерватизме даже позднекоммунистических элит в Восточной Европе. Хантингтон подчеркивает при этом, что позиционность консерваторов исключает их идентификацию в терминах левого и правого. М. Фриден называет это «хамелеонной теорией консерватизма» [Ibid.: 329–330].

Эта метафора, при всей своей меткости, упускает один важный момент — наличие в консерватизме, как и в любой идеологии, главной идеи, которая придаёт консерватизму оригинальное лицо, дискурсивную связность и которая не может состоять в одном только «хамелеонстве». Прежде всего, по Фридену, консерватизм *не* является идеологией статус-кво. Скорее, это идеология, которая, напротив, весьма озабочена проблемой социальных изменений: необязательно, правда, с целью их элиминировать, но чтобы сделать любые социальные изменения безопасными. Естественные (органические) изменения — это те, которые осуществляются в испытанных рамках, а потому не превышают возможностей людей приспособиться к этим изменениям. Консерватор признает только те изменения, которые не нарушают общественную стабильность и проявляют уважение к прошлому. Это — *первейший компонент* консервативной идеологии, по М. Фридену. Причём базовые концепты конкурирующих с консерватизмом идеологий (свобода, разум, благоденствие и т. д.) суть для консерватизма только смежные концепты для корневой идеи контролируемых изменений и выбираются только как ответ на угрозу искусственных, организованных человеком, изменений.

Защита «нормального» типа изменений сопровождается, по словам М. Фридена, *вторым компонентом* консерватизма — верой во внечеловеческое происхождение социального порядка. В роли такого высшего порядка могут выступать Бог, История, Наука и проч. В XIX веке консерваторы рассматривали стабильность как функцию естественного порядка или иерархии, в первой половине XX века они подчёркивали неизменные психологические принципы человеческой природы, а в эпоху «государства всеобщего благоденствия» и «свободного рынка» консерваторы обращались к «естественному порядку» в лице «научных» экономических законов, наделенных якобы универсальной силой [Ibid.: 334].

Вера во внечеловеческие основы общества снижает достоинство и статус индивида, наделённого свободной волей, ставит под вопрос рациональность «искусственных» человеческих планов, ограничивает силу государства и социальной организации. Одним словом, это маргинализирует роль политики как тщательно спланированной, целенаправленной деятельности людей. Такой политический скептицизм следует отличать от либеральных стремлений оградить приватную сферу человека от чрезмерного вмешательства государства. В случае консерватизма речь идёт о более фундаментальном ограничении политики до сферы возможного, которое не угрожает социальному порядку. Политика для консерватора уместна только в той мере, в какой она занимается поддержанием правил, защищающих внечеловеческий порядок с его органическим процессом изменений, защищающих от неизбежного авантюризма «человеческого гения», столь любимого либералами и социалистами [Ibid.: 335].

Идея внечеловеческого порядка, предполагающая деградацию роли человеческой активности, политической воли, существенно отличает консерватизм от правого радикализма, в котором «мужчины делают историю». Заметим, в целом, что две указанные выше специфические черты консерватизма существенно отличают его от правого радикализма. Последний го-

тов столь же радикально, как большевики или анархисты, рвать с почтенным прошлым и его «гнилыми» традициями во имя «нового человека». Правда, в отличие от тех же большевиков, этот революционный разрыв с прошлым осуществляется у правых радикалов не для того, чтобы построить радикально новый социальный порядок, но с целью вернуться в социальный порядок радикально старый, т. е. в героическую эпоху, предшествовавшую периоду «гниения и распада». Только в этом смысле правый радикализм презирует изменения, к которым может приспособиться «маленький человек». История имеет ценность, если она пишется героями как воплощением «вечно возвращающегося» национального (расового) мифа.

Вместе с тем, направленность праворадикального идеала в прошлое, а не будущее, его явно мифологический, иррациональный характер, сближает правых радикалов с консерваторами. И это наводит на мысль об их более глубоком родстве, а именно, на уровне реактивно-позиционной по своей сути морфологии.

Поясним вслед за М. Фриденем, в чём суть этой морфологии. Британский ученый говорит о «фундаментальной асимметрии между морфологией консерватизма и морфологией его противников» [Ibid.: 340]. Суть этой асимметрии в том, что консерватизм, в отличие от прогрессистских идеологий вроде либерализма и социализма, воздерживается от разработки самостоятельной теоретической системы, оперирующей какими-то универсальными человеческими ценностями, а также реализацией человеческого потенциала внутри справедливо организованных порядков. Теоретические построения у консерваторов возникают только как *реакция* на своих идеологических соперников, только в *отношении* к ним. Другими словами, консерватор мыслит систематически и связно лишь тогда, когда он отвечает на вызов прогрессистских идеологий [Ibid.: 336]. С этим реактивно-позиционным характером консервативного дискурса Фриден и связывает специфический механизм его концептуальных построений, называя его «зеркальным изображением».

Зеркальное отражение как составная часть консерватизма — это не прямолинейная попытка выстроить непрерывную контрапозицию относительно позиции своих оппонентов. Если консервативная идеология и выступает в функции зеркала, то зеркала гибкого, действующего как бы на шарнирах («swivel mirror», как выражается М. Фриден). Это, прежде всего, объясняется постоянной сменой (в зависимости от исторического пространства и времени) соперников консерватизма. А среди них побывали и классический либерализм, и «государство всеобщего благосостояния», и социалисты, и фашисты, и коммунисты. Консерваторы каждый раз определяют, кто для них в данный момент является главным врагом, и стремятся дать ему достойный идеологический отпор [Ibid.: 341]. Это, действительно, похоже на работу зеркала с шарнирными соединениями, которое может быть установлено под любым углом, чтобы ловить разные отражения.

Феномен зеркального изображения обеспечивает то, что консервативное мышление переводит присущие его идеологическим соперникам корневые (ядерные) политические концепты, оперирующие ценностями, во вторичные, второстепенные, смежные и периферийные концепты. Точнее, консерваторы развивают антитезисы (альтернативные концепты) для таких прогрессистских ядерных концептов (и соответствующих им тезисов), как *разум*, *равенство*, *индивидуальность*, а потом (часто бессознательно) устанавливают им смежный статус в рамках своей концептуальной структуры.

Из шарнирно-зеркального принципа консервативного позиционирования относительно других идеологий вытекает ряд черт концептуальной морфологии консерватизма, которые одновременно и сближают его с правым радикализмом, и отличают от него.

Давно замечено, что консервативный и праворадикальный дискурс сходятся в критическом отношении к рационализму. Но только идейная мотивация этого критицизма разная. Консерваторы не приемлют буржуазный рационализм, поскольку он утверждает суверенитет личности, бросает вызов существующей власти во имя абстрактной логики; потому что он не основан на практических знаниях, питает химеру внешне организованных социальных отно-

шений. Для консерватора личность допускается только внутри сдерживающих её социальных и моральных структур (норм), где она маргинализована за счет порядка, стабильности и непрерывности [Ibid.: 339]. Для политического радикализма такое умаление личностного начала недопустимо. Правые радикалы критикуют рационализм как мировоззрение мелкого обывателя, движимого эгоистическим расчетом и неспособного подняться до мистических вершин Национальной (расовой) Идеи, Мифа.

Пожалуй, главное отличие правых радикалов от консерваторов состоит том, что они осуществляют не столько идейную оборону, сколько нападение. Правда, это нападение оформлено в миф, иррациональную волю, часто в несвязное собрание идей, в отличие от прогрессистских идеологий, и это обнаруживает связь правого радикализма с консервативным стилем мышления. Даже идея консервативной революции есть продукт отражения идеологических соперников в зеркале на шарнирах — ответ на революционный вызов, брошенный коммунизмом (большевизмом). И хотя само по себе соединение консервативной позиции с позицией революционной кажется верхом абсурдности, как раз это сочетание составило суть той мутации, которой подвергся консерватизм на пути к фашизму⁴.

А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир убедительно показывают феноменологию этой мутации на примере «обновленческих тенденций» в немецком консерватизме после Ноябрьской революции 1918 года в виде младоконсерваторов, идеологов «прусского (немецкого) социализма» и «консервативной революции». Здесь важно, как при этом консервативная позиция, с одной стороны, в русле своей «шарнирно-зеркальной морфологии» превращает в смежные концепты ядерные концепты конкурирующей с ним идеологии социализма и большевизма, маргинализируя одновременно корневые концепты либерализма. У Освальда Шпенглера рабочий социализм становится «прусским социализмом», а пролетарский интернационализм — «расовым интернационализмом». Показательным в этом отношении было и поведение основателя «Антибольшевистской Лиги» Э. Штадлера, который тоже «стремился не выдвигать новые идеи, а перехватывать те, которые уже получили широкое признание, вкладывая в них иное содержание» [Галкин, Рахшмир 1987: 79].

Как и любые консерваторы, консервативные «обновленцы» — в отличие от большевиков — видели свой идеал не впереди, а позади современного им общества. Однако они шли гораздо дальше традиционных консерваторов, ибо вильгельмовская Германия казалась им уже не «утраченным раем», а одним из этапов либерального разложения общества. Здесь берет свой исток идея «революции наоборот» — *консервативной* революции как альтернативы революции коммунистической. Праворадикальный консерватизм тем самым перехватывает в ядерную часть своей идеологической конструкции концепт революции, который до этого выступал отличительной чертой исключительно социалистических и коммунистических доктрин. Ярким выражением этой идеологической мутации стал национал-большевизм, в некоторых моментах оппозиционный гитлеровскому национал-социализму.

Национал-большевизм традиционно связывают с идеями, развитыми в среде русской эмиграции, но М. Агурский справедливо замечает, что «формирование национал-большевизма не обошлось без немецкого влияния» [Агурский 2003]. Заметим, что в «национал-большевизме» В. Ленин и К. Радек обвиняли не переметнувшихся к большевикам традиционалистских консерваторов, а часть своих коммунистических коллег из охваченной национальным кризисом Германии. Однако и в консервативном лагере наблюдалось движение в сторону большевиков. Эта линия уже заметна в «Третьем Рейхе» Мёллера ван ден Брука, в его идее «консервативного восточного блока», включающего Россию, хотя и без большевиков. А консервативно-революционный идеал, развивавшийся в публикациях журнала «Спротивление»,

⁴Именно благодаря генетической связи консерватизма и фашизма многие видные консервативные идеологи пришли к поддержке фашизма, а с другой стороны, «фашизм, вне зависимости от особенностей генезиса его первичных отрядов, приобрел чётко выраженный консервативный облик, выступая как хотя и крайняя, но тем не менее составная часть консервативного лагеря» [Галкин, Рахшмир 1987: 74].

уже вполне реабилитировал большевизм. Правда, тем самым этот идеал отнюдь не образовывал гибрида с большевистской идеологией, но лишь создавал его идеальный образ, его право-радикальную стилизацию.

Эрнст Никиш, духовный лидер упомянутого издания, начинавший свою политическую карьеру в рядах германской социал-демократии, усматривал основной смысл Октябрьской революции в возрождении мощи Российской империи. Большевизм для Никиша — это радикальный отказ от Запада, антилиберализм, коллективизм, автократия и насилие. Отказ большевиков от частной собственности, — писал Никиш, — воспламенял у бедных слоев русского народа надежду на спасение, поэтому, когда белые генералы и иностранные интервенты выступили против красного правительства, народ признал в большевизме свое «национальное дело». Русский демократ, либеральный капиталист, прозападно настроенный интеллигент, — все они стали в глазах русского мужика врагами и предателями. «Большевизм, который вскоре стал русским национал-большевизмом, выступил формой, в которой Россия выразила и организовала все силы сопротивления против западных держав-победительниц» [цит. по: Sauermann 1985: 250]. В том же духе высказывался и русский национал-большевик Н. Устрялов, называвший советскую власть «национальным фактором современной русской жизни» и ожидавший (не без основания), что «большевизм логикой вещей от якобинизма будет эволюционировать к наполеонизму» [Устрялов 2003: 55].

Фашизм между двумя мировыми войнами обнаружил ещё одну черту, актуальную и сегодня: родство консерватизма и правого радикализма проявлялось даже в тех странах, где фашистские идеологии и партии играли второстепенную роль. Здесь, в условиях клерикально-фашистских режимов, возникали консервативно-праворадикальные идеологические гибриды, «в которых доминирующую роль играл традиционный консерватизм, взявший на вооружение некоторые важные элементы фашистской идеологии и политической практики» [Галкин, Рахшмир 1987: 93]. Более того, даже политическое преследование местных фашистов могло с лихвой компенсироваться поддержкой фашистских режимов за рубежом. Это взаимодействие между консерватизмом и правым радикализмом, как бы перенесенное во внешнеполитическую сферу, а потому не всегда очевидное, сегодня весьма актуально во внешней политике целого ряда государств⁵.

С учетом указанных выше исторических моментов, не следует абсолютизировать тезис о том, что правые радикалы (в отличие от консерваторов) занимают не столько ре-активную, сколько активную позицию относительно идеологии своих основных политических соперников. Консерватизм тоже может развивать *активную* оборону, ещё больше в этом плане сближаясь с праворадикальным дискурсом. Так, правые консерваторы эпохи тэтчеризма и рейганизма, сохраняя общие черты традиционалистского консерватизма, обнаружили вместе с тем и некоторые новые признаки. Эти консерваторы не ориентировались на осторожное позиционирование и приспособление в идеологической сфере, но преследовали стратегию «социального реванша»; они предпочитали не оборону, а наступление в идеологической сфере. В Британии тэтчеризм был нацелен на модернизацию национальной экономики, а не просто на пропаганду «старой, доброй Англии».

Вместе с тем, резкая критика правыми консерваторами либеральных принципов государства всеобщего благоденствия, сближение либерализма с социализмом и коммунизмом, критика «избытка демократии» (в ущерб его «управляемости») и призывы к «сильному государству», — всё это давало повод даже некоторым консерваторам видеть в тэтчеризме праворадикалистский отказ от основных принципов консервативной идеологии. Но — как мы указывали выше со ссылкой на М. Фридена, — такая оценка объясняется узким пониманием консерватизма как идеологии, направленной исключительно на сохранение статус-кво.

⁵Слепота некоторых западных правительств на «правый глаз» в оценке политического режима, установившегося на Украине после «Майдана -2014», — это лишь один из свежих, но далеко не единственный пример такого рода.

«Необходимо учитывать, — замечали А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир ещё раньше Фридена, — что для консерватизма как типа политики главное — противодействие общественному прогрессу даже ценой изменения статус-кво, если он, на взгляд консерваторов, становится чересчур либеральным или социал-реформистским. Ради этого часть консерваторов готова пустить в ход решительные радикальные методы, занять жесткую бескомпромиссную позицию» [Галкин, Рахшмир 1987: 167]. Исследователи указывают на склонность такого консерватизма к «авторитарному популизму» с расистскими чертами.

Эти моменты получают особое развитие в работах французских «новых правых» (А. де Бенуа, Д. Веннер и др.), а также их российских последователей (А. Дугин, Э. Лимонов и др.), которых многие авторы рассматривают как экстремистскую форму современного правого консерватизма. Хотя среди теоретических авторитетов французских и русских «новых правых» числятся не фашисты, а «интегральные традиционалисты» вроде Ю. Эволы и Р. Генона, они признают своё родство и с представителями обновленческих тенденций в немецком консерватизме периода между мировыми войнами (О. Шпенглер, А. Мёллер ван ден Брук и др.). Критикуя некоторые смежные концепты межвоенного фашизма и национал-социализма (ориентация на плебейскую массу, биологический расизм и проч.), идеология новых правых, тем не менее, сохраняет ядерный праворадикальный концепт этих идеологий — консервативный революционаризм. По словам А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира, главным звеном, объединяющим «новых правых» и их предшественников, является их общая приверженность идеалам «консервативной революции» [Галкин, Рахшмир 1987: 175] как радикальному изменению существующей либерально-демократической системы ради спасения европейского человечества. При этом некоторые концепты классического фашизма не столько маргинализируются, сколько переосмысливаются, как в случае с концептом расы. На место традиционного («дискриминационного») расизма с его идеей высших и низших рас, приходит расизм «дифференциальный» [Taguieff 1990] или «оборонительный» [Steele 2004], охраняющий культурные различия.

Установившуюся на Западе идеологическую гегемонию правых консерваторов следует учитывать и при оценке идеологических процессов, имевших место в России за последние три десятилетия. Идеологическая тропа от горбачевского «нового мышления» через концепт «управляемой демократии» и до понимания России как «нации-цивилизации» пролегает в этом общем неоконсервативном русле, и здесь не так много собственно «русского пути», как это иногда представляется. В известном смысле постсоветская Россия — это страна «победившего тэтчеризма».

Дискуссия о фашизме

После того, как мы бегло позиционировали правый радикализм относительно консерватизма, с которым он близок генетически, теперь мы можем напрямую обратиться к одному из ключевых моментов нашей работы — попытаться определить суть праворадикальной идеологии как таковой. И первейшая теоретическая проблема, которая при этом возникает, это соотношение понятий (терминов) *правого радикализма* и *фашизма*.

Содержание понятия «фашизм», равно как и критерии идентификации фашистской идеологии долгое время оставались дискуссионными и использовались спекулятивно [см., например: Умланд 2003: 2–3]. И если в западных исследованиях после публикаций работ Роджера Гриффина [Griffin 1993], Стэнли Дж. Пейна [Payne 1995], Роджера Итуэлла [см., например: Eatwell 1996] и др. удалось достичь некоторого консенсуса в трактовке данного понятия, то в отечественной науке эта проблема до сих пор не решена⁶. Отсутствие чётких критериев квалификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии

⁶Краткий обзор российских научных исследований, посвящённых данной теме, с соответствующими выводами см.: Умланд 2003.

затрудняет проведение конкретных социологических исследований, которые позволили бы выявить степень распространения этих идей и социальную базу потенциального фашистского движения. В результате складывается опасная ситуация, когда научные исследования не имеют прогностической силы и вынуждены фиксировать распространение фашистской идеологии уже «по факту», по тем эксцессам, которые являются результатом, а не причиной данного феномена⁷. Тем более в сложной ситуации оказываются государственные органы по профилактике и противодействию экстремизму и радикализму. Поэтому крайне важным представляется уточнение, конкретизация и операционализация для социологического исследования того комплекса идей, который следует признавать (про)фашистским.

Решение поставленной задачи осложняется пресловутой «гибкостью» фашистских идеологий, нередко способных сочетать несовместимые идеи. На «беспрецедентный эклектизм» фашизма обращал внимание, в частности, авторитетный отечественный исследователь А.А. Галкин: он отметил, что в этой идеологии сочетаются идеи аристократизма и «народности», национализма и наднациональной общности фашистов, антикапитализма и созидательного характера капитала, автаркии и единого европейского рынка, расистской кастовости и народной общности, презрения к массе и воспевание человека труда и т. д. [Галкин 1989: 283]. Этот эклектизм усложняет задачу экспликации некоего общего ядра фашистской идеологии. Методологически эту проблему очень ёмко выразил Стэнли Джордж Пейн: «...Сведение всех возможных фашизмов к одному-единственному родовому феномену с полностью совпадающими характеристиками неточно, в то время как совершенно номиналистический подход, настаивающий на существенных отличиях между радикальными националистическими движениями в межвоенной Европе, хотя и верен в узко техническом смысле..., имеет противоположный дефект игнорирования характерных отличительных черт» [Payne 1995: 462]. В связи с этим в исследованиях фашизма получила распространение методология идеальных типов М. Вебера, позволяющая фиксировать «родовые» признаки фашизма, независимо от многообразия конкретных его проявлений.

Такой методологии, в частности, следует профессор исторического факультета университета «Оксфорд Брукс» (Oxford Brookes University) Роджер Гриффин. Используя веберовскую методологию, он попытался определить «идеальный тип», «родовую сущность» фашизма. В своей ставшей классической работе «Сущность фашизма» Р. Гриффин предложил следующее определение: «Фашизм — это вид политической идеологии, мифическое ядро которой в его различных модификациях есть палингенетическая форма популистского ультранационализма» [Griffin 1993: 26, 44]. Таким образом, основу фашистской идеологии, согласно Р. Гриффину, составляют два базовых концепта: миф о возрождении (палингенетический миф) и популистский ультранационализм.

Концепт палингенезиса может находить своё выражение в самых разнообразных идеологемах. Р. Гриффин приводит в пример концепцию «Третьего Рима», идеологемы «рассвета новой эры», «нового человека», сценарии планетарной катастрофы в политической философии «зелёных» и даже мечту Джорджа Буша о «Новом мировом порядке». Из утопических мечтаний о «возрождённой Европе» возникло Европейское экономическое сообщество, став-

⁷См., например, публикации Информационно-аналитического центра «Сова», в которых на систематической основе отслеживаются проявления праворадикальных, ультранационалистических идей, расизма и ксенофобии в России. Важность этих исследований трудно переоценить, однако они носят скорее диагностический характер и не всегда фиксируют скрытые тенденции. Грубо утрируя: методологически проблема социологических исследований в данной области заключается в том, что включённое наблюдение требует слишком больших ресурсов, а социологический опрос не всегда способен выявить потенциальных (а не актуальных) носителей праворадикальных идей, поскольку опрашиваемые индивиды сами не осознают себя в качестве таковых; они могут даже стесняться своих взглядов и потому скрывать их, а квалификацию их в качестве фашистских сочтут оскорблением. Поэтому необходимы более тонкие исследовательские инструменты, способные выявить профашистские взгляды на уровне мировоззрения, до того, как они сложатся в идеологию и выплеснутся в публичную политику в рамках массового движения.

шее впоследствии одной из трёх «опор Европейского Союза». Представлениями о «восстановлении эволюционного пути развития России», якобы, прерванного революцией 1917 г., руководствовались реформаторы 1990-х гг. Собственно, сама революция 1917 г. была глубоко палингенетическим событием, осознаваемым как «новое начало», приходящее на смену «до основанья разрушенного старого мира».

Как разъясняет Р. Гриффин, «в основу палингенетического политического мифа положена вера в то, что современники уже переживают или собираются пережить „преображение“, „водораздел“ или „поворотный момент“ в историческом процессе» [Ibid.: 35]. Содержательно палингенетический миф связан с идеей революционного преобразования общества. Однако термин «революция» трактуется не в его первоначальном значении — как возвращение к идеализированному прошлому, что имело место в циклическом видении истории, — но в «радикально не-реставрационном смысле „второго рождения“, происходящего после периода ошущаемого упадка» [Ibid.: 36]. Тем самым палингенетический миф воспеваает «новое начало» или «возрождение» после кризиса. Крайне характерной для этого мифа является идеология мессиански осмысленного «нового человека» — «политизированная версия типичного „мифа героя“» [Ibid.: 35]. Вождизм и культ личности, традиционно приписываемые фашистской идеологии, на самом деле не являются её атрибутами, хотя и вытекают из идеологии о «новом человеке».

Вторым базовым концептом фашистской идеологии является популистский ультра национализм. Палингенетический миф содержится во многих версиях идеологий, не имеющих отношения к фашизму. Только комбинация обоих концептов специфицирует идеологию в качестве фашистской. Термин «популистский» означает опору на массу, на «власть народа», как способ легитимации элит или революционных «авангардов». Термин «ультранационализм» близок по смыслу к «интегральному» или «радикальному» национализму и означает ту форму национализма, которая последовательно отрицает либеральные институты и гуманистическую традицию Просвещения. Тем самым «популистский ультра национализм» отказывается от принципов как абсолютизма, так и плюралистического представительного правления: «В веберовских терминах он [популистский ультра национализм] отвергает и „традиционные“, и „легальные/рациональные“ формы политики в пользу превалирования „харизматических“ форм, в которых сплочённость и динамизм движений зависят почти исключительно от способности их лидеров стимулировать лояльность и действие» [Ibid.: 37].

Популистский ультра национализм связан с понятием нации «как „высшей“ расовой, исторической, духовной или органической реальности, которая охватывает всех членов этнического сообщества, которые к нему принадлежат» [Ibid.]. «Нация», воспринимаемая как некий естественный порядок, нуждается в защите от «загрязняющих» её элементов, таких как: смешение рас, иммиграция, анархические склонности, непатриотическая ментальность, либеральный индивидуализм, интернациональный социализм, а также тенденции, развязанные «современным» обществом («восстание масс», крушение моральных ценностей, нивелирование социальных различий, космополитизм, феминизм и т. д.).

Именно соединение в единое идеологическое ядро двух названных концептов специфицирует фашизм и придаёт ему мощную энергию для мобилизации масс: «В определённых условиях фашистское представление о сильной новой нации, вырастающей из разрушения старой системы, может вызвать в восприимчивых умах почти волшебную способность преобразовать безысходное отчаяние в безумный оптимизм и тем самым позволить партии, продвигающей такое представление, завоевать массу последователей» [Ibid.: 39]. И именно поэтому фашизм крайне неустойчив в политическом плане: существуя только в условиях глубокого кризиса, он неспособен обеспечить приемлемую социальную стабильность; он может только поддерживать движущий его импульс и сплочённость, «постоянно ускоряя события, которые, казалось бы, осуществляли обещание непрерывной революции продолжающегося палингенеза» [Ibid.: 40]. Тем самым фашизм оказывается обречён на перманентное воспроиз-

водство кризиса, который только и может быть условием его собственного существования. Этим же обусловлена и необходимость использования тотальной пропаганды и социальной инженерии с целью прикрыть расширяющийся разрыв между утопическими обещаниями и действительностью.

К менее значимым характеристикам «идеального типа» фашизма относятся следующие [Ibid.: 46–50]:

- «творческий нигилизм» как сочетание культурно-исторического оптимизма, — веры в возрождение и очищение нации, — с опорой на насилие и разрушение, когда эта вера не оправдывается реальными событиями;

- «альтернативный модернизм» — фашизм стремится к созданию нового типа общества, заимствуя социально-культурные образцы из прошлого лишь в качестве предпосылки национального возрождения, а не дублирования этих образцов в настоящем. В этом и состоит одно из важнейших отличий фашизма от консерватизма;

- революционный радикализм как способ достижения идеалов национального возрождения;

- примордиалистское понимание нации. Биологический расизм не является атрибутивным признаком фашизма и зависит от целого ряда факторов внешней среды: предшествующей традиции ксенофобии, расовой дискриминации и т. д. Однако, в целом, фашизму свойственно отрицание культурного плюрализма и многоэтнических обществ, что говорит о его крайнем национализме, не обязательно связанном с антисемитизмом и геноцидом;

- империализм также не является атрибутом фашизма. Несмотря на то, что исторически существовавшие формы фашизма были империалистически ориентированы, Р. Гриффин не считает связь между возрождением национального сообщества и потребностью в увеличении его «жизненного пространства» посредством завоеваний. В частности, он указывает на то, что главная тема современного фашизма — «Европа наций» [Ibid.: 49].

- антиконсерватизм, антилиберализм, антисоциализм.

Таким образом, уже в начале 1990-х гг. Р. Гриффином была предложена модель, позволяющая достаточно чётко идентифицировать фашистскую идеологию. Как уже отмечалось выше, схожую концепцию предложил российский исследователь А.А. Галкин. Согласно его определению, «фашизм — это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив всё то, что воспринимается им как препона к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия» [Галкин 1995: 10]. К признакам фашизма, позволяющим идентифицировать его современных адептов, А.А. Галкин относит следующие: - крайний антикоммунизм; - шовинизм и расизм; - склонность к конспиративным теориям, позволяющим завоевать массы; - апологетика «сильной (антидемократической) власти»; - империализм [Галкин 1989: 351].

Ряд ценностей фашизм заимствует у традиционного консерватизма: - пренебрежительное отношение к личности, представление о греховности человеческой природы, из которого вытекает требование «жесткой руки» и тотального контроля в управлении людьми; - недоверие к разуму, чрезмерное упование на который провозглашается главным источником бедствий; - оценка нации как основной ячейки и движущей силы общественного устройства, стремление свести историю к межнациональным отношениям [Галкин 1995: 10]. Как специально оговаривается А.А. Галкин, ни одна из перечисленных ценностей сама по себе не является фашистской, равно как их простая совокупность также не определяет фашистскую идеологию. Однако все фашистские идеологии включали перечисленные элементы, поэтому могут использоваться для идентификации этой идеологии.

Прежде, чем сделать выводы, вырисовывающееся концептуальное ядро фашизма следует дополнить результатами ещё нескольких исследователей. Известный итальянский историк Эмилио Джентиле выделил десять ключевых элементов идентификации фашизма:

- массовое движение, основывающее свою идентичность на чувстве товарищества, связывающее себя с миссией национального возрождения и имеющее целью установление «нового» антипарламентского режима;

- «антиидеологическая» и прагматическая идеология, провозглашающая себя антиматериалистической, антииндивидуалистической, антилиберальной, антидемократической, антимарксистской, является популистской и антикапиталистической в тенденции; эта идеология выражает себя более эстетически, чем теоретически, с помощью нового политического стиля и мифов, обрядов и символов; она выступает в роли мирской религии, призванной интегрировать массы с целью создания «нового человека»;

- культура основана на мистицизме и трагическом активизме, на превознесении милитаристской политики как модели жизни и коллективной деятельности;

- тоталитарная концепция примата политики в виде полного слияния личности и массы в мистическом единстве нации как этнического и морального сообщества; дискриминация «врагов» нации или режима;

- гражданская этика основана на тотальной приверженности национальному сообществу, на дисциплине, мужественности, духе товарищества и воинства;

- одна партия, имеющая своей задачей обеспечение вооружённой защиты режима, отбора руководящих кадров и организации масс внутри государства;

- полицейский аппарат, предупреждает, контролирует и подавляет инакомыслие и оппозицию посредством организованного террора;

- политическая система организована иерархически и увенчана фигурой вождя, наделённого сакральной харизмой, который направляет и координирует деятельность партии и режима;

- корпоративная организация экономики, которая подавляет профсоюзы, расширяет сферу государственного вмешательства и добивается на основе принципов технократии и солидарности сотрудничества с «секторами производства» при сохранении частной собственности и классового расслоения;

- внешняя политика вдохновляется мифом о национальном могуществе и величии с целью империалистической экспансии [приводится по: Payne 1995: 5–6].

Не меньшего внимания заслуживает концепция Стэнли Дж. Пейна, сформулированная им ещё в 70-х гг. и получившая своё завершение в работе «История фашизма», которая считается одной из лучших по данной теме. Ст.Дж. Пейн определяет фашизм как «форму революционного ультранационализма, выступающего за национальное возрождение, основанного на виталистской философии, включающего крайний элитизм, массовую мобилизацию и принцип вождизма, положительно оценивающего насилие, а значит, склонного к нормализации войны и/или воинских добродетелей» [Payne 1995: 14]. Соответственно этому определению, типологическое описание фашизма, согласно Ст.Дж. Пейну, включает в себя три группы характеристик:

- идеология и цели фашизма: национализм, положительная оценка войны, империализм, корпоративизм;

- что отрицается фашизмом: либерализм, коммунизм, консерватизм;

- стиль и организация: массовое милитаризованное движение, акцент на эстетике, широкое использование символики, превознесение мужественности, органическое представление об обществе, высокая оценка роли молодёжи, подчёркивание конфликта поколений, тяготение к авторитарному, вождистскому стилю управления [Ibid.: 7].

Однако по мнению Роджера Итуэлла, в рассмотренных концепциях содержится несколько недостатков, которые не снижают эвристической ценности этих подходов, но приводят к неверному расставлению акцентов. Так, одной из проблем подхода Ст.Дж. Пейна является его трактовка идеологии, в которой выделяются частные детали и при этом упускается важность анализа базовых концептов, связывающих идеологию в единое целое [Eatwell 1996:

309]. То есть, методологическая проблема частного и общего, о которой говорилось выше, Ст.Дж. Пейном решается неудовлетворительно. С этим связан и второй недостаток — акцент на том, что отрицается фашизм. Как утверждает Р. Итуэлл, такое отрицание не специфицирует фашизм как политическую идеологию и использовалось скорее в пропагандистских войнах с другими идеологиями за «место под солнцем». И, наконец, Ст.Дж. Пейн в своих исследованиях сосредоточился на межвоенном фашизме и его модель не может быть универсализована, поскольку не учитывает особенности послевоенного фашизма.

Ряд критических замечаний Р. Итуэлл высказал и в адрес концепции Р. Гриффина. По его мнению, акцент, который Р. Гриффин делает на мифологических основаниях фашизма, преуменьшает рациональную сторону этой идеологии. Определение идеи возрождения в качестве центральной стирает различия между идеологией и пропагандой. Термин «популизм» не имеет чётких критериев и т. д. Поэтому Р. Итуэлл предлагает своё определение фашизма и четыре критерия его идентификации. Под фашизмом он понимает «идеологию, которая борется за социальное возрождение на основе *холистски-националистического радикального Третьего пути*, хотя на практике фашизм, как правило, делает больший акцент на стиле (особенно на действиях и харизматичном лидере), чем на детальной программе, и участвует в махейской демонизации своих врагов» [Ibid.: 313]. В соответствии с этим определением, критериями фашистской идеологии Р. Итуэлл полагает следующие: - вера в разделение мира по национальному признаку (при этом господствующей формой является культурный национализм, а не биологический расизм); - холистское представление о том, что целое больше своих частей, а коллектив доминирует над частными правами и интересами; - стремление создать новую политическую культуру, альтернативную форму современности посредством мобилизации и насилия; - попытка найти «третий путь», сочетающий положительные черты капитализма (частную собственность, динамизм развития) и социализма (заботу о сообществе и благосостоянии).

«Родовой фашизм» и «группускулярная правая» Р. Гриффина

Вероятно, под давлением подобной критики Р. Гриффин обратился к методу «идеологической морфологии», предложенной Майклом Фриденем [Freeden 1994], что позволило лучше структурировать концептуальную модель фашизма. Однако это обращение было связано также с определённой идеологической и организационной трансформацией самого послевоенного фашизма — в «постфашистскую эпоху» (Э. Нольте). Вместо массовых движений и партий, фашистская идеология облекается теперь в организационные формы ризоматического типа — группускулы⁸. Поэтому характеризовать данное явление как популистское уже не приходится [Griffin 2008: 192–194]. В связи с этим возникает необходимость говорить о «новом лице фашизма» [Ibid.: 194], корректировать и развивать его концептуальную модель. Теперь Гриффин рассматривает межвоенный фашизм лишь как одну из исторических версий «родового фашизма», современным проявлением которого он считает «праворадикальные группускулы».

В характеристике Гриффином «группускулярной правой» следует акцентировать тезис о двух стратегиях политического выживания правого радикализма в современную эпоху. С одной стороны, это выражается в производстве лингвоидеологических гибридов, когда неофашистские идеи выражаются в квазилиберальных терминах с расчётом на массовую под-

⁸Группускулы характеризуются организационной автономностью, сочетаемой со способностью к объединению, что позволяет им образовывать неиерархическое многоцентровое движение с подвижными границами. «В контексте современной правозащитной политики, — поясняет Р. Гриффин, — группускулы в сущности представляют собой небольшие политические образования..., стремящиеся к реализации палингенетических... идеологических, организационных или активистских задач; их конечной целью является преодоление предполагаемого упадка существующей либерально-демократической системы» [Гриффин 2007: 227].

держку избирателя (феномен правого неопопулизма). Вторая стратегия заключается в создании мелких элитарных организаций по принципу религиозного ордена (секты) в ожидании либерального «конца света».

Вторая особенность менталитета праворадикальных группускул — это безудержный синкретизм, смешивающий в одну кучу всевозможные радикальные политические идеи — не задумываясь, откуда они родом: слева или справа, с Запада или с Востока. Типичным примером такого синкретизма стало возрождение «левого нацизма» (национал-большевистских вариантов «третьей позиции»). Вот как это описывает Гриффин: «Левые культовые фигуры, например, Че Гевара и субкоманданте Маркос вошли в пантеон неофашистов, которые позиционируют себя как национальных революционеров; многие сейчас серьезно пытаются пропагандировать нацизмаоизм, основанный на „фашистской диктатуре пролетариата“. Современные фашисты поддерживают Ирландскую республиканскую армию, RAF, Ливию Каддафи и „борьбу палестинского народа против сионизма“. ...А еще есть национал-анархизм — возможно, самый странный оксюморон на сегодняшний день. Национал-анархисты заимствуют фашизм справа и слева. Справа — это индивидуалистский анархизм Штирнера, аристократический радикализм Ницше, революционный консерватизм Юнгера и элитарный традиционализм Эвола. Слева — тайный бунт Бакунина, пропаганда действия Кропоткина, мифическое насилие Сореля и синдикалистский мютюэлизм Прудона. Террористический аспект они берут из заговорщического нигилизма Нечаева и анти-индустриального луддизма Качинского» [Гриффин 2007: 240–241].

Но эклектичность дискурса праворадикальных группускул не означает, что этот дискурс теряет свои ядерные значения, относящие его к группе идеологий под общим именем «правый радикализм» или «родовой фашизм». Стоит согласиться с Гриффином, что в послевоенном (нео-)фашизме стало трудно распознать корневую идею праворадикальной идеологии — «озабоченность национальным упадком и возрождением». И, тем не менее, британский политолог называет, по меньшей мере, три признака того, что «первоначальное» фашистское мышление сохраняется даже в экстремистских национал-большевистских разновидностях группускулярной идеологии. Во-первых, об этом говорит то, что эти разновидности «главным образом беспокоятся о культурном упадке, а не о социальной несправедливости или же неравенстве» [Там же: 250]. Во-вторых, даже когда они критикуют политическую или социальную несправедливость, «они, тем не менее, считают, что причиной упадка современного мира является принцип эгалитаризма, а также размывание культурной и этнической идентичности» [Там же]. В-третьих, признаком классического фашизма у многих современных крайне правых является концепция европейского возрождения как победы арийцев над расово низшими врагами. Гриффин подчеркивает: «Сравнение российских, итальянских, немецких и французских разновидностей европейской (и определенно не тэтчеровской) „новой правой“ подтверждает эту модель» [Там же].

Еще один момент, на который обращает внимание Гриффин, — это перспективы идейно-политического сотрудничества между правыми радикалами и консервативными «новыми правыми». Для России, где праворадикальные идеологии и движения часто незаметно (в том числе и на кадровом уровне) перетекают в более умеренные (на словах) консервативные силы, этот момент исключительно важен. Гриффин замечает по этому поводу следующее: «Преобразование крайне изолированного итальянского ИСД в „избирабельную“ партию Alleanza Nazionale (Национальный альянс, ит.) Джанфранко Фини было предварено интенсивной группускулярной активностью на периферии основной партии, в результате чего в ней укоренились идеи „французских“ и доморощенных эволаистских „новых правых“. В то же время случай с Александром Дугиным показывает, что даже группускула способна в определенной степени оказывать прямое влияние на правительственные круги и, следовательно, на выработку официальных политических решений» [Там же: 253–254].

Подчеркнем, что анализ «родового фашизма» Р. Гриффин ведёт с опорой на упомянутую выше методологию М. Фридена. Соответственно, он выделяет *определяющие*, неустрашимые элементы «родового фашизма», *смежные* с этими элементами понятия и *периферийные* (случайные, зависящие от внешней среды, в которой развивается фашистская идеология). Базовые концепты остаются почти неизменными — палингенетический миф и ультранационализм, который, правда, уже не характеризуется как популистский.

К смежным понятиям относятся:

- антилиберализм (либерализм и, в частности, либеральный индивидуализм, космополитизм и аморализм, рассматривается как одна из главных причин кризиса современного общества; в связи с необходимостью очищения общества от «скверны либерализма» отрицаются конституционные процедуры, плюрализм и гуманизм);

- антиконсерватизм (связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом);

- антиматериализм и антирационализм («идеализм» рассматривается как потребность в утопических целях и мифах; акцентирование воли, духа, чувственности; «творческий нигилизм», сочетаемый с опорой на насилие и разрушение как средство очищения нации и преодоления кризиса);

- национал-социализм (стремление преодолеть классовые различия в рамках национального единства);

- различные формы расизма (возвеличивание «своей» расы и её исторической судьбы либо отрицание культурного плюрализма и полиэтнических обществ);

- маскулинность (возвеличивание «мужских» принципов героизма, милитаризма и дисциплины).

В (нео)фашизме («группускулярной правой») появляются и новые понятия, отражающие проблематику последних десятилетий. К ним относятся: борьба за национальное или этническое возрождение в международном и/или наднациональном контексте («Европа наций»); метаполитизация фашизма — борьба за восстановление уникальной этнической и национально-культурной специфики, якобы размываемой глобализацией; идеологическая гибкость фашизма, обусловленная его независимостью от массовых движений.

К периферийным понятиям Р. Гриффин относит следующие:

- культ личности (возвеличивание лидера, вождя), сочетаемый с

- харизматическим, ритуальным, театральным стилем политики;

- парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;

- масштабные собрания, шествия, стремление продемонстрировать единство;

- шовинизм;

- антисемитизм и евгеника;

- корпоративная экономика.

В числе новых понятий фиксируются: проблемы генной инженерии, аборт, иммиграции, экологии и т. д.

Таким образом, концептуальная модель фашизма, разработанная Роджером Гриффином и уточнённая в методологическом контексте идеологической морфологии Майкла Фридена, позволяет идентифицировать некоторую совокупность взглядов в качестве фашистских. Этот эвристический потенциал модели продемонстрировал сам Р. Гриффин, проанализировав идеологию итальянской партии «Национальный альянс» (Alleanza Nazionale) Джанфранко Фини [Griffin 1996].

Подводя итог, можно сказать следующее. Изложенная выше аргументация позволяет операционализировать основные понятия, которые выполняют роль индикаторов фашистской идеологии. Базовыми компонентами такой идеологии являются два концепта:

- радикальный ультранационализм;

- идея посткризисного революционного возрождения (палингенез).

Гораздо более вариативными являются смежные понятия:

- крайне негативное отношение к либеральному индивидуализму, космополитизму и моральной нейтральности;
 - критическое отношение к консерватизму за его неприятие революционных изменений;
 - «творческий нигилизм» как основа создания новой политической культуры;
 - подчёркнутый антиэлитаризм;
 - пренебрежительное отношение к личности, подчинение её интересов и ценностей интересам коллектива;
 - поиск «третьего пути» между капитализмом и социализмом;
 - акцент на действии, превознесение воли и мужских принципов героизма, милитаризма и дисциплины;
 - мистицизм как основа культуры.
- Менее значимыми представляются периферийные концепты, такие как:
- культ личности и вождистский принцип;
 - ритуальный, театральный стиль политики;
 - парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;
 - масштабные собрания, шествия, стремление продемонстрировать единство;
 - шовинизм;
 - антисемитизм, евгеника и др.

Можно сделать вывод, что перечисленные признаки могут быть положены в основу программы социологического исследования, с целью выявления профашистских настроений, способных эволюционировать в массовое фашистское движение. Однако для проведения подобного исследования в России необходимо адаптировать описанную модель к российским социально-культурным и политическим реалиям.

Концептуальная модель правого радикализма в постсоветской России

А.А. Галкин выделяет два основных идеологических течения в российском праворадикальном лагере: 1) западническое, подчеркивающее свою принадлежность международному фашизму; и 2) почвенническое, избегающее идентификации с фашизмом и акцентирующее идею самобытного развития России. Именно второе течение А.А. Галкин полагает наиболее опасным, поскольку оно не подражает прошлому, но пытается находить новые формы воплощения фашистских идей, с учётом современной политической проблематики [Галкин 1995: 14]. Кстати, Р. Гриффин выделяет два аналогичных течения правого радикализма в посткоммунистической России [Гриффин 2007: 241].

Охарактеризуем теперь подробнее концептуальную структуру отечественного правого радикализма.

1. Базовые концепты.

1.1. Радикальный ультра национализм. Нация рассматривается как высшая реальность и ценность, которая нуждается в защите и развитии. К одной из ключевых идеологем, которые специфицируют почвенническое (в терминологии А.А. Галкина) направление русского фашизма можно отнести следующую: «русская нация» чаще всего рассматривается не в примордиалистском смысле (хотя встречается и примордиалистская трактовка), но в культурно-цивилизационном⁹. Объяснить это можно нередко встречающимся парадоксальным сочета-

⁹ Важно отметить, что речь не идёт о конструктивистском смысле «гражданской нации»!

нием идей нации и империи, позволяющим экспансионистские устремления. Поэтому цивилизационная идентичность легко сочетается с понятиями: территория, язык, история, традиции, мироощущение и культура. Надо признать, что такая трактовка нации позволяет включить неславянские народы России в понятие «русского народа»¹⁰.

Характерно то, что речь идёт о «трёх ветвях Русского народа» — «великороссах», «малороссах» и «белороссах». При этом любая попытка одной из «братских» ветвей обрести собственную идентичность рассматривается как *предательство*, отступничество от «общей Судьбы»¹¹. Для «почвенников» характерно также стремление отмежеваться от европейского фашизма, обосновать уникальный «Третий путь», который имеет не социально-экономические (как в европейских версиях фашизма), но культурно-цивилизационные основания. Нередко в качестве таких оснований выступает православие¹². Довольно часто также встречается резко негативное отношение к понятиям «россияне» и «советский народ».

Внутренними врагами нации являются иммигранты, мусульмане, кавказцы, левые политические силы, либералы, представители нетрадиционной сексуальной ориентации и др. меньшинств, евреи («понаехавшие», «чурки», «чернож...пые», «обезьяны», «национал-предатели», «пятая колонна», «либерасты», «гомосеки», «жиды» и т. д.). К *внешним врагам нации* относятся: США, страны Европы («Запад»), НАТО, страны Азии, «масоны», «мировое еврейство», «мировое правительство», Украина («пендосы», «гейропейцы», «узкоглазые», «мировая олигархия», «каклы», «бендеровцы» и др.). В качестве *истоков и причин кризиса* в России нередко называются: СССР и «коммуняки»¹³, хотя к Сталину нередко отношение позитивное¹⁴; либералы-реформаторы 90-х гг. («продажные либерасты, плясавшие под дудку пендосов и целенаправленно уничтожавшие русский народ»); иммигранты, кавказцы¹⁵; внутренние враги.

Можно предположить, что проблематизация тех или иных аспектов национальной идентичности и «врагов нации» зависит от источников социальной напряжённости, характерных для региона. Так, для правых радикалов Юга России, скорее всего, более актуальной будет «проблема кавказцев, мусульман и либерастов», чем евреев, католиков и «коммуняк». По сути, об этом же говорит и А.А. Галкин, когда предупреждает, что «почвеннический» фашизм в России наиболее опасен по той причине, что он не будет копировать проблематику европейского фашизма, но «будет современным», т. е. сможет найти новые формы воплощения фашистской идеологии, в которых будут выражаться актуальные проблемы.

1.2. Идея посткризисного революционного возрождения (палингенез). К идеологемам, связанным с этим концептом, можно отнести обеспечение «количественного и качественного роста русской нации», возрождение «*Великой России*» (иногда в расовом аспекте: «Белой Расы»), *воссоединение* «искусственно разделённого русского народа» (великороссов, малороссов и белорусов), реализация «*демографического* потенциала русского народа». В качестве иллюстрации можно сослаться на идеологию «Национал-патриотов России» (НПР): национал-патриотизм, согласно его сторонникам, приобретает своё значение во «времена упад-

¹⁰ Не следует забывать, что далеко не все националисты с этим согласны, разделяя народы России на «коренные» и «некоренные»; особенно «проблемными» для них являются кавказцы.

¹¹ Любопытно, что эта тема играет крайне важную роль в российско-украинском конфликте 2013–14 гг.

¹² В этом случае наблюдается отрицательное отношение ко всем группам «неправославных», включая католиков (особенно поляков), протестантов и мусульман. Похоже, что к буддистам отношение, в основном, безразличное.

¹³ Видимо, по причине идеологии интернационализма.

¹⁴ Объясняется это тем, что Сталин, якобы, отстаивал национальные интересы и «очищал» нацию от предателей.

¹⁵ Любопытно, что в данном случае дело заключается не столько в экономических последствиях миграции (в том, что иммигранты занимают рабочие места), но в цивилизационной и/или расовой чистоте, которую эти иммигранты, якобы, нарушают.

ка, разрухи и деградации»; именно это состояние переживает в данный момент «русская нация», что объясняется её разобщённостью и раздробленностью. Поэтому одной из главных задач НПП провозглашается «сплочение нации для возрождения мира в России и духа русского народа»¹⁶.

Политические формы «возрождения России» весьма разнообразны. Здесь и «имперцы» с идеей «возрождения России через возрождение Империи», и сторонники возрождения «православного государства», и монархисты, «возрождающие самодержавие», и борцы за «народный суверенитет», «возрождающие местное самоуправление». Обращает на себя внимание довольно частая апелляция к местному самоуправлению, *земству*. Похоже, что это можно рассматривать в качестве отличия от европейского фашизма, который чаще всего был этатистски ориентирован. Русские праворадикалы тоже много говорят о «Русском государстве», но при этом не отрицают «демократию»¹⁷, парламент и партии, и ностальгируют по земским традициям самоуправления. Впрочем, несмотря на разнообразие взглядов на политическое устройство «возрождённой России», для многих праворадикалов общей ценностью является *территория*. Поэтому, наверное, те или иные формы *империализма* можно считать одной из специфицирующих русский фашизм характеристик. Кроме того, для русских праворадикалов характерны *мессианские* претензии.

С европейским фашизмом отечественных праворадикалов сближает частое употребление биологических аналогий, метафор и т. д. (власть в России «больна», государство нужно «лечить», «элиты разложились», нация «растёт» и «расцветает», «великорусский ствол», «ветви Русского народа» и т. д.).

2. Смежные концепты.

2.1. *Антилиберализм*. Либерализм рассматриваются как одна из главных причин упадка и деградации современной России, оказавшейся в «глубочайшем системном кризисе, в который её загнали безответственные экспериментаторы». Вместо «либеральной разнузданности», с которой прочно ассоциируются геи, «жиды», гедонизм, культ денег и т. д., провозглашается служение нации, идеалы мужественности. Правовое государство и конституционные процедуры отрицаются в пользу «естественных человеческих прав» на основе традиций.

2.2. *Антиконсерватизм* также как и в европейских версиях правого радикализма, связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом.

2.3. «*Творческий нигилизм*» преломляется в виде презрительного отрицания массовой культуры и сочетается с опорой на насилие как средство очищения нации.

2.4. *Антиматериализм и антирационализм* в российском контексте конкретизируются в идеологемах: «духовная суверенность» России, православие (как «изначально культуuroобразующая религия»), культурная самобытность России, представление о России как русской традиции-цивилизации, идеалы «социальной правды», симфония светской и церковной власти.

2.5. *Холизм* находит своё выражение в постулировании традиций общности и соборности, организмических аналогиях («Нация — это самовозрастающий, способный к сверхплеменной солидарности социальный организм»), провозглашении триединства личности, нации и государства.

2.6. *Маскулинность* проявляется в культе армии, спорта, здоровья, семьи, национализма и мужественности, самоотверженного служения нации и государству и нации.

¹⁶ Официальный Интернет-портал общественной организации «Национал-патриоты России» (НПП), раздел «Идеология». Доступ: <http://www.slavrus.net/cs/5/1/>. Проверено: 05.10.2014 г.

¹⁷ Правда, в специфическом, неинституциональном понимании.

2.7. *Поиск «Третьего пути».* В отличие от западных версий фашизма, в которых «третий путь» имел экономическое измерение и полагался между капитализмом и социализмом, в России эта идеологема нередко приобретает экзистенциальный, культурно-цивилизационный характер — как самобытный путь между «Западом» и «Востоком».

2.8. *Мистицизм* как основа культуры мало чем отличается от западных течений правого радикализма.

2.9. *Империализм* выражается в популярных геополитических конструкциях, среди которых нередко встречаются идеи «возвращения русским народом утраченных» (во время кризиса) геополитических позиций.

3. *Периферийные концепты.*

3.1. *Культ личности* и вождистский принцип не характерен для почвеннической версии фашизма (если и проявляется, то в возвеличивании Сталина)¹⁸.

3.2. Ритуальный, *театральный стиль* политики («русские марши» и т. д.).

3.3. *Парамилитаризм* (полувоенный характер молодёжных организаций и движений, высокий моральный авторитет армии).

3.4. Масштабные собрания, шествия, *стремление продемонстрировать единство.*

3.5. *Шовинизм* проявляется как по отношению к внутренним «врагам» (кавказцам, иммигрантам, «пятой колонне» и т. д.), так и к внешним (к «пендосам», «гейропейцам», украинцам и т. д.).

3.6. *Антисемитизм* зависит от трактовки «русской нации». Хотя в целом свойственен почвенническому фашизму.

3.7. *Корпоративизм в экономике* не столь значим, как в европейском фашизме.

* * *

В заключение заметим, что идентификация структуры праворадикальных идеологий — как бы она ни была сама по себе важна — ещё не позволяет выносить решение о праворадикальном статусе какой-то конкретной политической организации. Чтобы решить этот вопрос правильно, необходим более дифференцированный подход. Так, в западной литературе различают между праворадикальной субкультурой, праворадикальным движением и праворадикальными партиями [Merkel 2003: 4–5]. Но прежде всего, надо отличать фактическое дискурсивное поведение соответствующего политического актора от его идеологической самооценки. В противном случае можно фатально недооценить момент политического (само-)инсценирования. Так, немецкий политолог Т. Байхельт толкует «революционный экспансионизм» (выражение А. Умланд) партии Жириновского буквально в духе правого радикализма. По его словам, националистическая идеология ЛДПР «соединена со значительным элементом фашизма, когда предполагаемое умиротворение „Юга“ методами империалистической политики рассматривается не только как расширение внешней мощи России, но также как средство её духовного возрождения» [Beichelt 2009: 517]. Однако для любого человека, понимающего реальный (коммерческо-шутовской) характер дискурсивного поведения ЛДПР, неадекватность такого суждения очевидна. Этот пример показывает, что без учета всей широты дискурсивного и социального контекста идентификация праворадикальных политических акторов вряд ли возможна. Ведь в этом контексте праворадикальные идеи — при всей грозности своей изолированной трактовки — часто оказываются лишь «своего рода валютой, используемой в торговле позициями» [Вердери 2002: 302].

¹⁸ В этом контексте интересно отношение российских правых радикалов к В.В. Путину: оно варьируется от резко отрицательного до весьма прохладного. Судя по всему, В.В. Путина они считают «слишком европейским политиком», чуждым идей «возрождения величия русской нации».

- Агурский М. 2003. *Идеология национал-большевизма*. — М.: Алгоритм. — 320 с. (См. также: http://propagandahistory.ru/books/Mikhail-Agurskiy_Ideologiya-natsional-bolshevizma/. — Проверено: 05.10.2014).
- Вейсман А.Д. 1991. *Греческо-русский словарь*. Репринт 5-го изд. 1899 г. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. — 1370 с.
- Вердери К. 2002. Куда идут «нация» и «национализм»? — *Нации и национализм*. М.: Праксис. — С. 297–307.
- Галкин А.А. 1989. *Германский фашизм*. — М.: Наука. — 352 с.
- Галкин А.А. 1995. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления. — *Полис (Политические исследования)*. — № 2. — С. 6–15.
- Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. 1987. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. — М.: Наука. — 192 с. (См. также: http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/. — Проверено: 05.10.2014).
- Гриффин Р. 2007. От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правдой. — *Верхи и низы русского национализма: (сб. статей)*. / Верховский А. (сост.). — М.: Центр «Сова». — С. 223–254.
- Соссюр Ф. де. 1998. *Курс общей лингвистики*. — М.: Логос. — 296 с.
- Умланд А. 2003. Современные концепции фашизма в России и на Западе. — *Неприкосновенный запас*. — № 5(31). — С. 1–10.
- Устрялов Н.В. *Национал-большевизм*. — М.: ЭКСМО, 2003. — 656 с.
- Beichelt T. 2009. Two variants of the Russian radical right: Imperial and social nationalism. — *Communist and Post-Communist Studies*. — Vol. 42. — № 4. — P. 505–526.
- Eatwell R. 1996. On Defining the “Fascist Minimum”: The Centrality of Ideology. — *Journal of Political Ideologies*. — Vol. 1. — № 3. — P. 303–319.
- Freeden M. 1994. *Political Concepts and Ideological Morphology*. — Vol. 2. — № 2. — P. 140–164.
- Freeden M. 2006. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. — Oxford: Oxford University Press. — 592 p.
- Griffin R. 1993. *The Nature of Fascism*. — London & New York: Routledge. — 251 p.
- Griffin R. 1996. The “Post-Fascism” of the Alleanza Nazionale: A Case Study in Ideological Morphology. — *Journal of Political Ideologies*. — Vol. 1. — № 2. — P. 123–145.
- Griffin R. 2008. *A Fascist Century: Essays by Roger Griffin*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan. — 270 p.
- Hilliard R.L., Keith M.C. 1999. *Waves of Rancor: Tuning in the Radical Right*. — Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc. — 309 p.
- Merkel P. 2003. Introduction. — *Right-wing extremism in the twenty-first century* / P. Merkel, L. Weinberg (ed.). 2nd ed. — London: Frank Cass Publishers. — P. 1–17.
- Payne S.G. 1995. *A History of Fascism, 1914–1945*. — London: Routledge. — 632 p.
- Sauermann U. 1985. *Ernst Niekisch und der revolutionäre Nationalismus*. — München: Bibliotheksdienst Angerer. — 458 s.
- Steele E.J. 2004. *Defensive Racism: An Unapologetic Examination of Racial Differences*. — Sagle, ID: ProPer Press. — 376 p.
- Taguieff P.-A. 1990. The New Cultural Racism in France. — *Telos*. — Spring. — № 83. — P. 109–122.